УДК 94(47)+ 94(44).072

Л. А. Герд

Рецензия на монографию:

Анисимов О.В. **Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М.: Индрик, 2014**

В последние два десятилетия отечественная историография обогатилась целым рядом исследований, посвященных русскому присутствию в Святой Земле. Интерес к этой тематике вполне закономерен: главная святыня христианского мира на протяжении многих столетий становилась предметом напряженного соперничества и центром пристального внимания великих держав. Россия занимала в отношении Иерусалима, Палестины и Сирии особое место в силу общности православной веры с христианским населением, греческим и арабским. Традиции паломничеств русских людей ко Гробу Господню восходят еще к XI–XII вв., а начиная с XVI–XVII столетий Россия оказывает систематическую помощь и поддержку восточному православию; Святые Места Палестины закономерно занимают здесь одно из первых мест. XIX в. ознаменовался массовым паломничеством русских людей в Палестину, основанием Русской духовной миссии в Иерусалиме, несколько позднее русского консульства, а также Православного Палестинского общества. Историю этих учреждений можно считать уже неплохо изученной благодаря систематическим многолетним исследованиям и публикации документов[1]. Центром внимания неизменно

[1] Россия в Святой Земле: документы и материалы. Т. 1–2 / Сост. Н.Н. Лисовой. М., 2000; *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006; *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и православный Восток. Из истории межцерковных связей. М., 2014 и др.

оставалась «русская сторона» вопроса; авторы, при всей неоспоримой значимости их исследований, редко задавались целью анализировать источники по истории католического или протестантского присутствия в Палестине; архивные документы из хранилищ за пределами России ими обычно не привлекались.

Монография О.В. Анисимова является первой в отечественной исторической науке попыткой выйти за рамки этой общей тенденции. Предметом исследования автора монографии стало «пересечение» восходящего к средневековью конфликта за обладание Святыми местами Палестины и Восточного вопроса в середине XIX в. При этом он концентрирует свое внимание на двух главных сторонах этого противостояния, России и Франции. Весьма удачно выбраны, на наш взгляд, хронологические рамки исследования: это правление Наполеона III, которое составило целую эпоху не только в истории Франции, но и Европы в целом. Во введении О.В. Анисимов представляет детальный обзор литературы, посвященной столкновению великих держав по вопросу Палестины. Он убедительно показывает, что все весьма многочисленные отечественные исследования, посвященные Крымской войне, освещают проблему односторонне. Одни историки ограничиваются лишь фактологическим перечнем событий, другие сознательно игнорируют конфессиональную составляющую. Особо останавливается он на взглядах Е.В. Тарле, автора классической фундаментальной монографии по дипломатической истории восточного кризиса 1850-х гг. О.В. Анисимов разделяет мнение некоторых исследователей, считающих, что Тарле мифологизировал причины Крымской войны, а сама война под его пером предстает «результатом научно-художественной реконструкции» (с. 34). Еще большей тенденциозностью, считает он, страдает литература западная, которая традиционно представляет Крымскую войну как войну против русской агрессии на Ближнем Востоке.

Понять происходящее на Ближнем Востоке в XIX–XX вв. невозможно без внимательного знакомства с исторической перспективой этих событий, всего комплекса конфессиональных, политических и национальных факторов, которые определяли сложный клубок противоречий. Этому посвящена первая глава книги «Состояние спора вокруг Святых мест к началу 1850-х гг.» (с. 49–106). Здесь автор представляет читателю панораму противостояния католической (французской и ватиканской), и православной (греческой и русской) традиций в Святой Земле. О периоде до начала XIX в. он говорит кратко, зато гораздо подробнее останавливается на времени, непосредственно предшествовавшем эпохе Наполеона III.

Глава II «Вмешательство Франции в религиозные дела Палестины. Развитие дипломатического конфликта в 1850–1852 гг.» (с. 107–176) непосредственно вводит читателя в основную тему монографии. Здесь уже автор отрывается от историографического изложения и сопоставления мнений своих

предшественников и «погружается» в стихию источников. Вопрос о преобладании католиков над православными в Святых местах, обладание христианскими святынями, такие, казалось бы, частные вопросы, как право ремонтировать и даже подметать то или иное здание и его двор — всё это получало проекцию на отношения между крупнейшими европейскими державами. Миссии Жака Опика и Шарля Лавалетта представлены читателю глазами русских дипломатов, посланника в Константинополе В.П. Титова и посла в Париже Н.Д. Киселева. Анализ дипломатических документов показывает, что русская сторона встала в оборонительную позицию по отношению к претензиям французских католиков на господство в Палестине. Целью русской дипломатии было защитить интересы православных в рамках сохранения *status quo* и обеспечить равное право поклонения святыням для всех христиан. Новое звучание прибрел спор о святых местах после переворота во Франции 2 декабря 1851 г. Русские дипломаты старались использовать создавшуюся ситуацию для решения дела о Святых местах — ведь Луи-Наполеону была необходима легитимация нового положения со стороны других держав. Однако Николай I не сумел воспользоваться ситуацией — он признал Луи-Наполеона без всяких условий, упустив тем самым возможность выполнения русских требований в Палестине. Не так одобрительно отнеслось русское правительство к провозглашению Наполеона III императором год спустя, однако это, как предупреждал Н.Д. Киселев, лишь подтолкнуло Францию к союзу с Англией. Между тем противостояние православных и латинян в Иерусалиме при двойственной политике османских властей вело к усилению напряжения.

Дальнейшее развитие конфликта становится темой третьей главы «Франко-русские отношения во время Восточного кризиса 1853 г.» (с. 177–236). Не желая дополнительных осложнений, Николай I все-таки согласился признать императорский титул Наполеона III, сведя вопрос к дипломатическому этикету и назвав нового императора «господин и добрый друг», взамен ожидаемого «брат». Несмотря на несогласие в вопросе идеологии, Наполеон III сделал шаг навстречу русскому правительству в палестинском споре: уже в конце 1852 г. было предложено начать переговоры. Однако отказ К.В. Нессельроде от обсуждения вопроса вновь вернул вопрос к исходной точке. Французская сторона, впрочем, считала спор оконченным; получение ею новых привилегий от османского правительства и обладание ключами от Вифлеемской базилики было для них вполне достаточным. Последующие шаги России имели целью, с точки зрения ее правительства, защитить турецкие власти от давления со стороны Франции. О.В. Анисимов не согласен с мнением академика Тарле, который возлагает основную вину за неосторожные поступки Николая I на К.В. Нессельроде. Напротив, утверждает автор монографии, министр трезво оценивал ситуацию и, хорошо чувствуя баланс в «европейском концерте», предостерегал Николая от излишнего доверия Англии. Особо чувствительный к вопросам личной и национальной чести, Николай I «связал разрешение спора с судьбой

русско-турецких отношений, т.е. придал религиозно-дипломатической коллизии общеевропейский характер» (с. 195). Посылка чрезвычайного посольства и привлечение к конфликту Англии — вот два шага, которые способствовали обострению конфликта и ввели его в глобальную перспективу Восточного вопроса. Уверенный в своей силе и в невозможности коалиции Англии и Франции, Николай посылает в Константинополь А.С. Меншикова, который, по его соображениям, своей решимостью лучше всего бы «припугнул» турок.

Пока Россия старалась «не замечать» Францию и вести все переговоры только с султанским правительством как единственным ответственным лицом, Франция в свою очередь также не желала «замечать» Россию и выслала свой флот к Саламину. Единственным, кто в кабинете Наполеона III смог встать на русскую точку зрения, был А. Валевский, считавший, что действия французов в Палестине в первой половине 1852 г. были ошибкой. Дальнейший ход событий определялся появлением в Константинополе британского посла Ч. Стрэтфорда-Каннинга, который «фактически взял на себя тайное руководство турецкими действиями, подсказывая реис-эффенди Рифаат-паше, что и как следовало говорить русскому послу» (с. 213). Требования Меншикова хорошо известны: немедленный ремонт купола храма Гроба Господня, возвращение православным Вифлеемского храма и пещеры Рождества и др. Стрэтфорд убедил Диван вести кунктаторскую линию, отказывая России в заключении формального соглашения. О.В. Анисимов расценивает российские требования как чрезмерные и подчеркивает, что «документы не раскрывают нам какого-либо серьезного давления французской дипломатии на поведение турецкого правительства весной 1853 г.» (с. 217). Англичане же, на его взгляд, демонстрировали желание видеть вопрос решенным к удовлетворению обеих сторон. Возлагая ответственность за развязывание войны на упорство и политическую недальновидность Николая I, О.В. Анисимов склонен видеть в действиях французского правительства гораздо бóльшую уступчивость и готовность к компромиссу, чем это традиционно принято в российской историографии Крымской войны. Распространенное мнение о желании Стрэтфорда и английского кабинета окончательно поссорить Россию с Францией автор также явно не разделяет.

Минуя не входящие в тему монографии события войны, О.В. Анисимов в следующей главе переходит к дипломатической истории ее последствий (гл. IV «От противостояния к компромиссу. Святые места в послевоенных франко-русских отношениях», с. 237–298). Сближение Франции и России во второй половине 1850-х гг., которое соответствовало планам и А.М. Горчакова, и Наполеона III, как отмечает автор, ничего России не принесло. Лидирующая роль в этом союзе оставалась за Францией, которая была заинтересована в России как в потенциальном союзнике в войне против Австрии. Если в Европе союз не достиг тех целей, которые ставило русское правительство, то в вопросе о Святых Местах он сыграл весьма положительную роль. Самым ощутимым результатом его было соглашение о ремонте купола храма Гроба

Господня, дипломатическую историю которого автор монографии аргументированно излагает на основании изученных им архивных источников. Инициатива французского консула Э. де Баррера о нейтрализации купола храма Гроба Господня была поддержана после обсуждения русскими духовными и дипломатическими представителями. Особенно важным представляется развитие вопроса после прибытия в Константинополь в 1864 г. посла Н.П. Игнатьева. После трехлетних обсуждений различных проектов и контрпроектов в 1866 г., наконец, вопрос был улажен, и к 1868 г. строительство под руководством двух архитекторов (К. Мосса и М.И. Эппингера) завершилось. Новые искры конфликта вокруг Святых Мест в 1860-е гг. уже не приобретали таких бедственных форм, как в середине 1850-х.

В заключении (с. 299–310) О.В. Анисимов подводит основные итоги своего исследования. Главный вывод, который делает автор из проведенного им анализа дипломатической борьбы в палестинском вопросе, состоит в том, что «Святые места служили не просто предлогом для конфликта, они были его детонатором» (с. 299). О.В. Анисимов выделяет несколько фаз развития конфликта вокруг Святых Мест. Первый этап — это споры 1840-х гг., когда Франция переняла инициативу покровительства католикам у Рима, и французские представители активно взялись за восстановление и расширение католического влияния. Второй этап датируется 1850–1851 гг., когда Турция приняла к рассмотрению требования французов. С августа 1851 г. межконфессиональный спор приобрел дипломатический характер. Луи-Наполеон предложил русскому правительству сделку — признать торжество бонапартизма во Франции на условиях отказа от продолжения спора о Святых Местах. Сделка, однако, не состоялась, что показал следующий этап (февраль–август 1852 г.). Первая половина 1852 г. прошла в попытках переговоров на фоне двойной игры турецкого правительства; во второй половине 1852 г. Франции удалось добиться от Турции выполнения своих требований. На исходе 1852 г. спор приобрел политико-идеологический характер; это была борьба за влияние на турецкую политику. На завершающем этапе развития Восточного кризиса (июнь–октябрь 1853 г.) вопрос о Святых Местах был окончательно подменен проблемами целостности Османской империи. По мнению О.В. Анисимова, «франко-русские отношения 1848–1853 гг. — это преимущественно столкновение личностных амбиций Луи-Наполеона и Николая I» (с. 304). В палестинские осложнения они вкладывали соображения престижа. Автор считает необходимым проведение строгой демаркационной линии между спором о Святых Местах и Восточным кризисом. Спор стал причиной кризиса 1853 г., но причиной Восточной войны стала борьба держав за влияние в Турции.

Важной частью книги являются приложения (с. 311–395), которые имеют целью представить читателю в русском переводе основные документы, касающиеся спора о Святых Местах. Завершается монография списком источников, литературы и указателем.

О.В. Анисимов представляет читателю комплексное исследование, основанное на широком круге архивных источников, как изданных, так и неопубликованных. Автор привлекает материалы не только российских архивов, но и архива МИД Франции; кроме того, он хорошо знаком с западноевропейской, особенно французской библиографией вопроса. Всё это делает его исследование новаторским и свободным от излишней «русскоцентричности», которая свойственна отечественным работам по дипломатической истории Нового времени. Вместе с тем нельзя не отметить некоторую увлеченность О.В. Анисимова личностями героев своего повествования, что порой даже приводит его к противоречиям. Так, справедливо подчеркивая скрытность Наполеона III, он неожиданно заявляет о его «редкой откровенности» в беседах с графом А.Ф. Орловым в феврале 1856 г. и с великим князем Константином Николаевичем (с. 243–244). Весьма интересной представляется полемика автора с Е.В. Тарле, которая ведется им на протяжении всего повествования, и особенно пересмотр мнения о причастности К.В. Нессельроде к ошибкам русского правительства накануне войны. Не менее любопытной, хотя и недостаточно, на наш взгляд, обоснованной является точка зрения О.В. Анисимова в отношении роли Англии и посла Ч. Стрэтфорда-Каннинга. Более пристальное знакомство с английской литературой о Крымской войне и с материалами МИД Великобритании могло бы помочь освещению этого вопроса.

Вряд ли можно согласиться с утверждением автора, что ложная интерпретация Кючук-Кайнарджийского договора «послужила главной причиной войны» (с. 240). Тем не менее следует особо подчеркнуть, что О.В. Анисимов впервые в отечественной историографии развенчивает миф о Кючук-Кайнарджийском договоре как дающем право России оказывать покровительство христианам всей Османской империи (с. 74–77). Уже в 1974 г. в результате внимательного анализа текста договора американский исследователь Р. Дэвисон убедительно показал, что речь шла о покровительстве только одной православной церкви в Константинополе. Однако буквально через несколько лет после опубликования договора благодаря усилиям австрийской дипломатии распространилась расширенная его трактовка, подхваченная русской дипломатией, которая с удивительным упорством продолжала повторяться не только до Крымской войны, но и после нее[2]. По-видимому, автору монографии осталась неизвестной статья Дэвисона, а также ее влияние на англоамериканскую историографию по восточному вопросу.

Несмотря на некоторые неизбежные недостатки, монография О.В. Анисимова является поистине новаторской. Главная ценность исследования состоит не только в смелом пересмотре дипломатической истории восточного кризиса. Автор демонстрирует свободный от предвзятости комплексный подход к сложнейшей религиозно-политической ситуации на Ближнем Востоке середины

[2] *Davison R.H.* «Russian Skill and Turkish Imbecility»: the Treaty of Kuchuk Kainardji Reconsidered // Slavic Review. 1976. Vol. 35 (Sept.). P. 463–483.

XIX в. Он впервые привлекает неизданные материалы из архивов МИД России и Франции, что позволяет ему избежать односторонности в оценках действий дипломатов той и другой стороны. Вместе с тем О.В. Анисимов далек от романтического увлечения видеть в святоместном споре, политическом по своей сути, религиозный альтруизм императоров и их правительств. В заключение хочется высказать надежду, что данная монография откроет новые горизонты в изучении церковно-политической истории христианского Востока и роли в этой истории России.